

**"... На волшебные напевы
переложил ты
страстной девы
иноплеменные слова":**

**ПОЭЗИЯ ЮНОСТИ
в переводах с английского**

**Ярославль
2014**

Департамент культуры Ярославской области
Государственное учреждение культуры Ярославской области
«Областная юношеская библиотека имени А.А. Суркова»
Научно-методический отдел

***«...На волшебные напевы переложил ты
страстной девы
иноплеменные слова»:
поэзия юности в переводах
с английского
(материалы к литературному вечеру)***

Ярославль
2014

83.3(4Вел)
Н 12

**«...На волшебные напевы переложил ты страстной девы
иноплеменные слова»:** поэзия юности в переводах с
английского / авт.-сост. С.Н. Левагина; отв. за вып. Н.Н.
Щепеткова; ГУК ЯО «Областная юношеская библиотека им.
А.А. Суркова», научно-методический отдел. - Ярославль, 2014.
– 60 с.

БИБЛИОТЕКАРЮ

Методическое пособие *«На волшебные напевы переложил ты страстной девы иноплеменные слова»: поэзия юности в переводах с английского»* выходит в год, объявленный Президентом Российской Федерации Годом российской культуры в Великобритании и Северной Ирландии и годом британской культуры в России. Кроме того, в 2014 году исполняется 255 лет со дня рождения великого шотландского поэта Роберта Бёрнса, писавшего как на классическом английском языке, так и на шотландском диалекте.

Мы обратились к лирике, созданной британскими поэтами-классиками в молодом возрасте, причём некоторые из этих авторов (Китс, Фергюссон) погибли, ещё не перешагнув порога юности. Задачей данного методического пособия было познакомить с лучшими переводами английской юношеской поэзии, а в необходимых случаях – и с авторами этих переводов, среди которых есть и имеющие отношение к Ярославскому краю. Русская литература по праву гордится своей переводческой школой. Достаточно сказать, что за переводы из Роберта Бёрнса С.Я. Маршак был удостоен звания почётного гражданина Шотландии, а за целый век до этого поэтесса Каролина Павлова, родившаяся в Ярославле, получила за свои переводы подарок от великого Гёте: его гусиное перо.

Данный методический материал выходит в серии «В творческую копилку библиотекаря». Издания этой серии носят исследовательский характер, что предполагает их использование как в заявленном формате, так и выборочно – в качестве включения в мероприятия краеведческой направленности, литературные часы, обзоры, а также для расширения кругозора библиотекаря.

***«...На волшебные напевы переложил ты
страстной девы иноплеменные слова»:
поэзия юности в переводах
с английского
(материалы к литературному вечеру)***

Поэтические переводы в русской традиции – не просто переводы, а, одновременно, и разговор с бесстрашным собеседником, не подверженным как царской, так и советской цензуре, и поиски смысла собственной жизни и творчества, и плавание в богатстве мелодий собственного языка, способных сделать близким сердцу читателя мелодию иностранного. И если на этом пути переводчика ждёт удача, то русская литература получает ещё одно любимое дитя, которое, качаясь в иноязычной колыбели, вдруг начинает говорить с нами русским языком. Вот о таких «волшебных напевах»¹, как назвал их Пушкин, обращаясь к своему другу-поэту Евгению Баратынскому, об их романтической части – переводах с английского языка поэзии юности – и пойдёт сегодня речь.

И начнём мы с народных баллад, которыми увлекалось не одно поколение молодёжи Великобритании и которые чем-то глубоко трогали и наших, часто тоже молодых, русских поэтов – не зря ведь появились вдохновенные переводы. Как, например, вот эта баллада, переведённая Александром Сергеевичем Пушкиным, с её рассказом о трагедии ранней смерти, о вечных подвигах, о любви...

*Ворон к ворону летит
Ворон ворону кричит:
«Ворон, где б нам отобедать?»*

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. IV . – Москва, 1981. – С. 58.

*Как бы нам о том проведать?»
Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.*

*Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая».*

*Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждёт милóго,
Не убитого, живого.²*

Перевод А.С. Пушкина

Пушкин взял эту балладу из сборника шотландских баллад, собранных Вальтером Скоттом, но перевёл (скорее, переложил) лишь первую её половину, которая получилась законченной русской песней. Английские и особенно шотландские баллады, в отличие от классических франко-норманских и итальянских, имевших строгую форму с определёнными повторами и припевами, были драматизированными, остросюжетными повествованиями, положенными на музыку.

Знаменитый английский писатель **Вальтер Скотт** (1771-1832), автор таких любимых и в России исторических романов, как «Айвенго», «Квентин Дорвард», «Роб Рой», начинал свою литературную деятельность как поэт, сочетая её с учёбой в Эдинбургском университете, а потом с работой адвоката, шерифа, секретаря суда. В шотландских народных песнях и балладах Скотт нашёл источник

² Пушкин А.С. «Ворон к ворону летит...» // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. II. – Москва, 1981. – С. 134.

подлинной поэзии, увидел, что их язык наполнен «античной силой и простотой, окрашенной восточным красноречием Священного писания... и они придают трогательность их скорби и достоинство их гневу»³. Историческое неотделимо для нашего поэта от национального, и не зря в молодости он увлечённо собирал шотландские народные песни и баллады, опубликовав их в 1802-1803 годах в двухтомнике под названием «Песни шотландской границы».

Вальтер Скотт даже приобрёл земли легендарного Томаса Рифмача, с сохранившейся башней и дубом, которые ещё помнили этого барда и прорицателя XIII века, *волшебными напевами* переложившего бессмертную историю о любви Тристана и Изольды.

Вот как звучит одна из записанных Скоттом баллад о Томасе Рифмаче в переводе прекрасного поэта уже двадцатого столетия Самуила Яковлевича Маршака (1887-1964). Маршак учился в Лондонском университете (1912-1914), а во время каникул они с молодой женой много путешествовали пешком по Англии, слушали английские народные песни. Уже тогда поэт начал работать над переводами английских баллад, впоследствии прославивших его.

Томас Рифмач

*Над быстрой речкой верный Том
Прилёт с дороги отдохнуть.
Глядит: красавица верхом
К воде по склону держит путь*

*Зелёный шёлк – её наряд,
А сверху плащ красней огня,
И колокольчики звенят*

На прядках гривы у коня.

*Её чудесной красотой,
Как солнцем, Том был ослеплён.
– Хвала Марии Пресвятой! –
Склоняясь ниц, воскликнул он.
– Твои хвалы мне не нужны,
Меня Марией не зовут.
Я – королева той страны,
Где эльфы вольные живут.*

*Побудь часок со мной вдвоём,
Да не робей, вставай с колен,
Но не целуй меня, мой Том,
Иль попадёшь надолго в плен.*

*Ну, будь что будет! – он сказал. –
Я не боюсь твоих угроз! –
И верный Том поцеловал
Её в уста краснее роз.*

*– Ты позабыл про мой запрет.
За это – к худу иль к добру –
Тебя, мой рыцарь, на семь лет
К себе на службу я беру!*

*На снежно-белого коня
Она взошла. За нею – Том.
И вот, уздечкою звеня,
Пустились в путь они вдвоём.*

*Они неслись во весь опор.
Казалось, конь летит стрелой.
Пред ними был пустой простор
А за плечами – край жилой.*

– На миг, мой Том, с коня сойди
И головой ко мне склонись.
Есть три дороги впереди.
Ты их запомнить поклянись
Вот этот путь, что вверх идёт,
Тернист и тесен, прям и крут.
К добру и правде он ведёт,
По нём немногие идут.

Другая – торная – тропа
Полна соблазнов и услад.
По ней всегда идёт толпа,
Но этот путь – дорога в ад.

Бежит, петляя, меж болот
Дорожка третья, как змея,
Она в Эльфландию ведёт,
Где скоро будем ты да я.

Что б ни увидел ты вокруг,
Молчать ты должен, как немой,
А проболтаешься, мой друг,
Так не воротишься домой!

Через потоки в темноте
Несётся конь то вплавь, то вброд.
Ни звёзд, ни солнца в высоте,
И только слышен рокот вод.

Несётся конь в крошевной мгле,
Густая кровь коню по грудь.
Вся кровь, что льётся на земле,
В тот мрачный край находит путь.

*Но вот пред ними сад встаёт.
И фея, ветку наклонив,
Сказала: – Съешь румяный плод –
И будешь ты всегда правдив!*

*– Благодарю, – ответил Том, –
Мне ни к чему подарок ваш:
С таким правдивым языком
У нас не купишь – не продашь.*

*Не скажешь правды напрямик
Ни женищине, ни королю...
– Попридержи, мой Том, язык
И делай то, что я велю!*

*В зелёный шёлк обут был Том,
В зелёный бархат был одет.
И про него в краю родном
Никто не знал семь долгих лет.⁴*

Перевод С.Я. Маршака

По сюжетам народных сказаний Вальтер Скотт создавал и собственные баллады – например, ту, что переведена Каролиной Павловой, выдающейся поэтессой XIX века, которой сам Гёте подарил, восхищённый её переводами с русского на немецкий язык, своё гусиное перо. Каролина Карловна Яниш (в замужестве Павлова) (1807-1893) родилась в Ярославле в семье врача, её красотой и талантом восхищались в московских салонах; в неё был влюблён польский изгнанник-поэт Адам Мицкевич, выйти замуж за которого ей запретила родня. Именно в её

⁴ Томас Рифмач: баллада / пер. С. Маршака // Бернс Р. Стихотворения; Поэмы. Шотландские баллады: [сборник] / Роберт Бернс; вступ. ст. и сост. Р. Райт-Ковалёвой. – Москва, 1977. – С. 332-334.

переводах западный мир впервые прочитал Пушкина, Лермонтова, Алексея Константиновича Толстого. А на русский язык Каролина переводила то, что было близко её сердцу, как вот эта шотландская баллада Вальтера Скотта.

Вальтер Скотт

Клятва Мойны

(шотландская баллада)

*Вот клятва Мойны молодой:
«Не буду графу я женой!
Хотя б от всех людских племён
Остались в мире я да он,
Хотя б он мне в награду дал
Алмазы, жемчуг и коралл,
Хотя б владел он всей страной, —
Не буду графу я женой!»*

*— «Обеты дев, — сказал старик, —
Все вмиг даны, забыты вмиг;
Обвив крутые высоты,
Алеют вереска цветы,
И скоро ветер с утёса прочь
Их унесёт в осеннюю ночь;
Но Мойна прежде ночи той,
Уж может графу быть женой».*

*— «Пусть лебедь, — Мойна говорит —
В гнездо орлиное взлетит,
Назад пойдут потоки гор,
Пусть упадёт утёс Бенмор
И битвы в час наш грозный клан
Пусть побегит от англичан, —
Но я не изменюсь душой:
Не буду графу я женой!»*

*Ещё доселе в тростнике
Гнездится лебедь на реке,
Бенмор огромный не падёт,
Крутой поток бежит вперёд,
Клан всё слывёт, каким он слыл,
И пред врагом он не дал тыл, –
Но Мойна любит всей душой,
И Мойну граф зовёт женой.⁵*

Перевод Каролины Павловой

Первооткрывателем стихии народного языка и народной поэзии для Вальтера Скотта и многих его современников и поэтов следующих поколений стал человек, о встрече с которым сам Скотт так рассказал в письме биографу Локхарту:

«Вы спрашиваете о Бёрнсе – тут я могу искренне сказать: Vidi Vergilium⁶. Мне было всего пятнадцать лет в 1786-1787 году, когда он впервые появился в Эдинбурге, но я хорошо понимал и чувствовал, какой огромный интерес представляют его стихи, и готов был отдать всё на свете, чтобы с ним познакомиться.

Я увидел его у известного учёного, где собралось много знаменитостей... Разумеется, мы, молодёжь, молча смотрели и слушали. Особенно меня тогда поразило то впечатление, которое на Бёрнса произвела гравюра, где был изображён мёртвый солдат на снегу и рядом с ним – с одной стороны – его несчастный пёс, с другой – его вдова с ребёнком на руках. Под гравюрой были написаны стихи, кончавшиеся так: «Дитя несчастья, крещённое в

⁵ Скотт В. Клятва Мойны / Вальтер Скотт; пер. К. Павловой // Английская поэзия XIV-XIX века: [сборник]: на англ. яз. с парал. русским текстом / под ред. Т.А. Боборыкиной. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 141-143.

⁶ Я видел Вергилия (лат.).

слезах...».⁷

...Бёрнс спросил, чьи это стихи, и случайно «никто, кроме меня, не вспомнил, что это строки из полузабытой поэмы Ленгхорна...» Бёрнс наградил «меня взглядом и словами, которые хотя и выражали простую вежливость, но и тогда доставили мне чрезвычайную радость и теперь вспоминаются с удовольствием.

Человек он был крепкий, широкоплечий, держался просто, но без неуклюжести. Это достоинство и простота особенно выигрывали ещё и потому, что все знали о его необыкновенном даровании...

...Если бы мне не было известно, кто он такой, я бы принял его за очень умного фермера старой шотландской закваски, настоящего «доброго хозяина», который сам ходит за плугом. Во всём его облике чувствовался большой ум и проницательность, и только глаза выдавали его поэтическую натуру и темперамент. Большие и тёмные, они горели (я говорю «горели» в самом буквальном смысле слова), когда он говорил о чём-нибудь с чувством и увлечением. Никогда в жизни я больше не видел таких глаз...».⁸

Роберту Бёрнсу (1759-1796), на которого как на живого классика смотрел пятнадцатилетний Вальтер Скотт, было в то время двадцать семь лет, и он прошёл путь от бедного пахаря, с детства терпевшего голод и лишения, до поэта, известного всей Шотландии. Причём, он писал как на прекрасном английском языке, так и на презируемом британской литературой и обществом равнинном шотландском диалекте⁹, заставив уважать этот язык,

⁷ Райт-Ковалёва Р. Роберт Бёрнс и шотландская народная поэзия / Р. Райт-Ковалёва // Бёрнс Р. Стихотворения; Поэмы. Шотландские баллады: [сборник] / Роберт Бёрнс; вступ. ст. и сост. Р. Райт-Ковалёвой. – Москва, 1977. – С. 13.

⁸ Там же.

⁹ Использование в большинстве произведений шотландского диалекта («наречия» английского, в отличие от гэльского – кельтского шотландского языка) – осознанный выбор поэта, декларированный в названии первого сборника «Стихотворения преимущественно на шотландском диалекте» (1776).

восхищаться им. А началось всё с искреннего взлёта души, о чём сам поэт оставил такое свидетельство в записной книжке: *«Что до меня, то я не имел ни малейшего намерения или склонности стать поэтом, пока я искренне не влюбился, а тогда рифма и мелодия стиха стали в какой-то мере непосредственным голосом моего сердца...»*¹⁰.

*Пробираясь до калитки
Полею вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.*

*Очень холодно девчонке,
Бьёт девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.*

*Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмёшь?*

*И какая вам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..*¹¹

Перевод С.Я. Маршака

Его будущая жена Джин Армор прекрасно пела, и молодому поэту захотелось написать такие песни, чтобы,

¹⁰ Райт-Ковалёва Р. Роберт Бёрнс / Р. Райт-Ковалёва. – Москва, 1965. – С. 57.

¹¹ Бёрнс Р. «Пробираясь до калитки...» / Роберт Бёрнс; пер. С. Маршака // Бёрнс Р. Стихотворения; Поэмы. Шотландские баллады: [сборник] / Роберт Бёрнс; вступ. ст. и сост. Р. Райт-Ковалёвой. – Москва, 1977. – С. 44.

подхваченные её звонким голосом, они пелись всей Шотландией. Причём пелись на старинные шотландские мелодии, о чём Роберт писал в дневнике: *«Какой пошлой и бездушной становится песня, какой бесцветной и гладкой кажется музыка по сравнению с переливчатой, вольной, хватающей за душу старой мелодией!.. И я представил себе, что когда-нибудь, быть может, шотландский поэт с верным и взыскательным слухом сумел бы написать новые слова к самым любимым нашим напевам...»*¹².

Роберт Бёрнс и был этим поэтом с верным и взыскательным слухом, и до сих пор вся Шотландия поёт его стихи, которые вытеснили старые неуклюжие тексты из дивных старинных мелодий.

Роберт Бёрнс

Макферсон перед казнью

*Так весело,
Отчаянно
Шёл к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.*

*– Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждёт петля
И гладкие столбы.*

*В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней –
Не дрогну и сейчас!*

¹² Райт-Ковалёва Р. Роберт Бёрнс / Р. Райт-Ковалёва. – Москва, 1965. – С. 145-146.

*Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.*

*Я жизнь свою провёл в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Верёвке палача.*

*И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.*

*Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждёт,
Не смея умереть!*

*Так весело,
Отчаянно
Шёл к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.¹³*

Перевод С.Я Маршака

Как видим, в песнях молодого Бёрнса поётся не только о любви и дружбе, но и о достоинстве народа родной Шотландии, о трепетной и страстной любви к Родине,

¹³ Бёрнс Р. Макферсон перед казнью / Роберт Бёрнс; пер. С. Маршака // Бёрнс Р. Стихотворения; Поэмы. Шотландские баллады: [сборник] / Роберт Бёрнс; вступ. ст. и сост. Р. Райт-Ковалёвой. – Москва, 1977. – С. 40.

выраженной отнюдь не напыщенно, а лёгким слогом, сдобренным изрядной долей юмора.

Роберт Бёрнс

Честная бедность

*Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.*

*При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!*

*Мы хлеб едим и воду пьём,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шёлк и вина пьют
И всё такое прочее.*

*При всём при том,
При всём при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью.*

*Вот этот шут — природный лорд.
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,*

Бревно бревном останется!

*При всём при том,
При всём при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах, и в лентах!*

*Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.*

*При всём при том,
При всём при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И всё такое прочее!¹⁴*

<...> Перевод С.Я. Маршака

Лёгкости и смелости шотландского слога Роберт Бёрнс учился у поэта **Роберта Фергюссона** (1750-1774), издавшего всего одну маленькую книжку и ушедшего из жизни, не дожив и до двадцати четырёх лет. После смерти отца талантливый юноша, который кроме поэтического дара обладал ещё и актёрским, а также прекрасно пел, должен был бросить учёбу в университете, чтобы содержать больную мать, а когда сам заболел — средств на лечение не было. Роберт Бёрнс не знал Фергюссона лично, но

¹⁴ Бёрнс Р. Честная бедность / Роберт Бёрнс; пер. С. Маршака // Бёрнс Р. Стихотворения; Поэмы. Шотландские баллады: [сборник] / Роберт Бёрнс; вступ. ст. и сост. Р. Райт-Ковалёвой. — Москва, 1977. — С. 27-28.

пропагандировал его поэзию и даже поставил памятник на его забытой всеми могиле.

Роберт Бёрнс

***К портрету Роберта Фергюссона,
шотландского поэта***

*Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,
Дал с голоду поэту умереть.
О старший брат мой по судьбе суровой,
Намного старший по служенью музам,
Я горько плачу, вспомнив твой удел.*

*Зачем певец, лишённый в жизни места,
Так чувствует всю прелесть этой жизни?*¹⁵

Перевод С.Я. Маршака

Хотя имеются и другие удачные переводы стихов Роберта Бёрнса (например, «Джон Ячменное Зерно» в переводе Эдуарда Багрицкого), но именно благодаря удивительным переводам Самуила Яковлевича Маршака, стихи Бёрнса любимы уже не одним поколением россиян. За переводы из Роберта Бёрнса Маршак был удостоен звания почётного гражданина Шотландии.

Очарованные Бёрнсом, наши соотечественники обратились и к, пока ещё немногочисленным, переводам стихов любимого им Фергюссона. Вот отрывки из оды Роберта Фергюссона «Моим старым штанам» в переводе Асара Исаевича Эппеля (1935-2012).

¹⁵ Бёрнс Р. К портрету Роберта Фергюссона, шотландского поэта / Роберт Бёрнс; пер. С. Маршака // Бёрнс Р. Стихотворения; Поэмы. Шотландские баллады: [сборник] / Роберт Бёрнс; вступ. ст. и сост. Р. Райт-Ковалёвой. – Москва, 1977. – С. 116.

Роберт Фергюссон

Моим старым штанам

Гудбай, штаны! Хоть лучшие вас
Не знал одёж мой тощий таз,
Расстанемтесь! Стезя терниста
У барда и у романиста,
Ведь им привычен снос вещей, –
Хоть ближний рек: «Новей – прочней!»
О вы, в кого ногами врос,
Не пропустить сквозь вас мороз
Я тщуся, штукуя все протирки,
Латая рвань, мережа дырки.

<...>

Впервой надев, я вас любил,
Как в злате-серебре ходил,
Но пусть не ищут пониманья
Дрянь-обилага и рвань карманья;
Известно – нам, поэтам – ценз
С трудом дарует каждый пенс,
Поэтому для нас медяк,
Потёртый даже, – не пустяк!
Но оглянись по сторонам –
Паршиво всем, не только нам;
Кого же мир боготворит?
Кто в долг даёт и кто поит;
Нам друг до гроба – кто из щедрых,
А поистратился – и недруг!
Но тот, кто пылок сердцем, он
Всегда за друга огорчён,
Как я за вас – ведь столько раз
Я рифмовал, напялив вас...

Забудут ли штанины ваши
Счастливый танец мой вокруг чаши?
Несочетаем был с бедой

*Мой пылкий облик молодой.
Увы, пропала пылкость прытко,
Как в снег декабрьский маргаритка...
А если в дни удачи бард,
Рифмуя, загребёт мильярд
И задаваться станет он,
Окружён и оживлён,
Как призрак, встаньте на виду –
Напомните ему нужду –
Не золото, мол, не блести,
Мол, меру научись блюсти...¹⁶
Перевод Асара Эппеля*

Как мы вышли к Фергюссону, читая Бёрнса, так шестнадцатилетний Лермонтов вышел к Бёрнсу, читая Байрона. Он даже перевёл эпиграф из Бёрнса к поэме «Абидосская невеста» Байрона, получилось маленькое стихотворение с названием бёрнсовской английской строчкой, означающей в переводе «*Если б мы не любили так нежно*»:

*Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.¹⁷*

Юный Мишель Лермонтов, как и многие его современники, увлёкся Байроном, даже не догадываясь, что, по шотландской родословной ветви своего отца, идущей от служившего в России Георга Лермонта, потомка Томаса

¹⁶ Фергюссон Р. Моим старым штанам / Роберт Фергюссон; пер. А. Эппеля // Бёрнс Р. Стихотворения; Поэмы. Шотландские баллады: [сборник] / Роберт Бёрнс; вступ. ст. и сост. Р. Райт-Ковалёвой. – Москва, 1977. – С. 417-418.

¹⁷ Лермонтов М.Ю. Had we never loved so kindly / М.Ю. Лермонтов / Лермонтов М.Ю. Собр. соч. В 4-х т. Т.1: Стихотворения / М.Ю. Лермонтов. – Москва, 1983. – С. 284.

Лермонта (Томаса Рифмача), он находится с Байроном в родстве.¹⁸

Джордж Гордон Байрон (1778-1824) в десятилетнем возрасте унаследовал титул лорда, учился в Кембриджском университете, но между ним и высшим английским обществом возник конфликт, вольная натура поэта жаждала справедливости в этом мире и не желала подчиняться лицемерию погрязшего в пороках окружения. Белинский писал о Байроне: «...он любил человечество, но презирал и ненавидел людей, между которым видел себя одиноким и отверженным...»¹⁹. Именно Байрон ввёл в моду, в том числе и в России, разочарованного романтического героя, одинокого, отвергнутого обществом, героя в «чайльд-гарольдовом плаще».

Достигнув совершеннолетия и заняв место в палате лордов на скамьях оппозиции, Байрон покидает высший свет и отправляется в путешествие по странам Средиземноморья. «Неутомимый и любознательный, он верхом на лошади пересекает Испанию, посещает Мальту, в Албании совершает длительные поездки в горы, испытывая огромную радость от общения с людьми, далёкими от европейской цивилизации. Многие месяцы он проводит в Греции»²⁰, захваченной турками, принимая близко к сердцу её судьбу. И тогда-то рождаются девятистишие поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», принесшей Байрону всемирную славу. В этой поэме сюжет лишь внешне связан с образом центрального героя, а главной является личность самого автора. Приведём отрывок из поэмы в переводе Константина Николаевича Батюшкова. Интересно, что

¹⁸ Левагина С.Н. Мелодия эоловой арфы: Томас Рифмач – шотландский предок М.Ю. Лермонтова / С.Н. Левагина // Лермонтов и Ярославская земля: материалы первых краеведческих чтений / сост. Л.В. Мельникова, И.Х. Шихваргер; ЦГБ им. М.Ю. Лермонтова. – Ярославль, 2000. – С. 3-12.

¹⁹ Зарубежная литература: пособие по факультативному курсу для учащихся VIII-X классов / подгот. С.В. Тураев, И.Б. Дюшен, Л.В. Каган [и др.] . – 3-е изд. – Москва, 1977. – С. 128.

²⁰ Там же.

место родового имения Батюшкова в сельце²¹ Хантанове, где он творил наиболее плодотворно, которое он называл «мои Пенаты²²», «Отечески Пенаты», одно время относилось к Пошехонскому уезду Ярославской губернии²³.

Джордж Гордон Байрон

Паломничество Чайльд –Гарольда
Песнь четвёртая
(Отрывок)

*Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском бреге
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю – но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом годов;
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов,
И как молчать о них – не знаю.
Шуми же ты, шуми, огромный океан!
Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран,
Но море чем себе присвоит?..²⁴*

Перевод К.Н. Батюшкова

Разумеется, русские поэты читали и переводили не только поэмы Байрона, но и его лирику, в том числе

²¹ Сельцо – крестьянское селение без церкви, в котором была барская усадьба.

²² Пенаты (рим. миф.) – боги-покровители домашнего очага, а в переносном смысле – дом, жилище, обитель.

²³ Сейчас – Череповецкий район Вологодской области.

²⁴ Байрон Дж.Г. «Есть наслаждение и в дикости лесов...» / Вальтер Скотт; пер. К.К. Павловой // Английская поэзия XIV-XIX века: [сборник]: на англ. яз. с парал. русским текстом / под ред. Т.А. Боборыкиной. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 141-143.

раннюю, в которой находили много созвучий собственной душе. Тот же Лермонтов возвращался к переводам стихов Байрона неоднократно.

Джордж Гордон Байрон
Душа моя мрачна

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унёс, —
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слёз —
Они растают и прольются.
Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец.
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слёз хочу, певец,
Иль разорвётся грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
*Как кубок смерти, яда полный.*²⁵

Перевод М.Ю. Лермонтова

Поэт уже другого поколения, Алексей Константинович Толстой (1817-1875), романист, драматург и один из создателей незабвенного Козьмы Пруткова, тоже берётся за перевод близкого ему стихотворения Байрона, как бы ища в нём поддержку для себя.

²⁵ Байрон Д.Г. Душа моя мрачна / Джордж Гордон Байрон; пер. М.Ю. Лермонтова // Поэзия английского романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. — Москва, 1975. — С.399-400.

Джордж Гордон Байрон

*Неспящих солнце! Грустная звезда!
Как слезно луч мерцает твой всегда!
Как темнота при нём ещё темней!
Как он похож на радость прежних дней!*

*Так светит прошлое нам в жизненной ночи,
Но уж не греют нас бессильные лучи;
Звезда минувшего так в горе мне видна;
Видна, но далека – светла, но холодна!²⁶*

Перевод А.К. Толстого

Для влюблённого Александра Александровича Блока (1880-1921), классика русской литературы, у молодого Байрона также нашлись стихи, которые захотелось перевести. Вот одно из них.

Джордж Гордон Байрон

*Отрывок, написанный вскоре после
замужества мисс Чаворт*

*Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Анслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.*

*Нет прежних светлых мест, где сердце так любило
Часами отдыхать.
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой*

²⁶ Байрон Д.Г. «Неспящих солнце! Грустная звезда...» / Джордж Гордон Байрон; пер. А.К. Толстого // Поэзия английского романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва, 1975. – С. 406.

*Уже не заблестать.*²⁷

Перевод Александра Блока

И середина двадцатого века не осталась без своего Байрона, в том числе в переводе Маршака.

Джордж Гордон Байрон

Ты плачешь – светятся слезой

Ресницы синих глаз.

Фиалка, полная росой,

Роняет свой алмаз.

Ты улыбнулась – пред тобой

Сапфира блеск погас;

Его затмил огонь живой,

Сиянье синих глаз.

Вечерних облаков кайма

Хранит свой нежный цвет,

Когда весь мир объяла тьма

И солнца в небе нет.

Так в глубину душевных туч

Твой проникает взгляд.

Пускай погас последний луч –

*В душе горит закат.*²⁸

Перевод С.Я. Маршака

Байроновский индивидуализм был не единственным открытием английского романтизма. За десяток лет до молодого Байрона революцию в поэзии совершила

²⁷ Байрон Д.Г. Отрывок, написанный вскоре после замужества мисс Чаворт / Джордж Гордон Байрон; пер. А. Блока // Поэзия английского романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва, 1975. – С. 372-373.

²⁸ Байрон Д.Г. «Ты плачешь – светятся слезой...» / Джордж Гордон Байрон; пер. С. Маршака // Поэзия английского романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва, 1975. – С. 400.

скромная книжка «Лирические баллады и другие стихотворения», вышедшая в Лондоне в 1798 году. Два её молодых автора **Уильям Вордсворт** (1770-1850) и **Самюэл Тейлор Кольридж** (1772-1834) стали основателями так называемой *Озёрной школы*. О том, что это была именно революция в поэзии, свидетельствует высказывание Александра Сергеевича Пушкина в статье «О поэтическом слоге»:

*«В зрелой словесности, – писал Пушкин, работая над седьмой главой «Евгения Онегина», – приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию... ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собой мнение многих... Произведения английских поэтов... исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина. У нас это время, слава богу, ещё не приспело, так называемый язык богов так ещё для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Прелесть нагой простоты так ещё для нас непонятна, что даже в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобождённую от условных украшений стихотворства, мы ещё не понимаем».*²⁹

Кольридж, младший из десяти детей небогатого девонширского пастора, чью учёбу в Кембриджском университете оплатил школьный совет за выдающиеся способности выпускника, и Вордсворт, второй из пяти детей поверенного первого графа Лонсдейла, учившийся в Кембридже на стипендию для бедных студентов, познакомились не во время учёбы. Они ощутили родство душ по опубликованным стихам друг друга. Оба много

²⁹ Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 17.

прекрасного ожидали от Великой французской революции и впали в депрессию при виде её кровавой реальности, в которой жертвами социальных потрясений прежде всего становились простые люди.

Два поэта, а также сестра и близкий друг Вордсворта Дороти поселились в одном графстве Сомерсетшир, поближе друг к другу, и именно во время их постоянных пеших прогулок родилась идея совместной книги. В дальнейшем пути поэтов разойдутся, но их «Лирические баллады» выдержат десятки изданий в течение двух последующих столетий, а в России новые переводы будут создаваться даже в нашем, XXI веке.

Поскольку в произведениях Кольриджа непостижимым образом соединялись воедино стремление к чудесному вымыслу с привязанностью к реальности, а у Вордсворта чудесной становилась сама простая реальность, то, как писал Кольридж в своей знаменитой «Литературной биографии»: *«Было решено, что я возьмусь за персонажи и характеры сверхъестественные или, во всяком случае, романтические, с таким, однако, расчётом, чтобы эти тени, отбрасываемые воображением, вызывали в душе живой интерес, а некое подобие реальности на какое-то мгновение порождало в нас желание поверить в них, в чём и состоит поэтическая правда. В свою очередь, мистер Вордсворт должен был избрать своим предметом и заставить блеснуть новизной вещи повседневные и вызвать чувства, аналогичные восприятию сверхъестественного, пробуждая разум от летаргии привычных представлений и являя ему красоту и удивительность окружающего нас мира...»*.³⁰

Не случайно книгу «Лирические баллады» открывает «Баллада о Старом Моряке», задуманная обоими поэтами и

³⁰ Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 16.

написанная Кольриджем. Ведь в этом произведении воплощено кредо всей книги: «соединены и в совершенстве сбалансированы традиционно-народная баллада, описание несчастного смертного человека, измученного своими ошибками, и ненарочитая простота рассказа, рассчитанного на «простолюдина»³¹.

«Для написания бессмертной поэмы «Старый моряк», – по словам одного из переводчиков баллады Н.С. Гумилёва, сопровождавшим его перевод, – Кольридж воспользовался рассказом одного путешественника XVIII века, рассказавшего в своей книге о странном человеке. Это был помощник капитана, уже пожилой и всегда задумчивый. Он верил в призраков. Когда в пути их застигали бури, он утверждал, что это возмездие за смерть альбатроса, огромной белой птицы из породы чаек, которую он застрелил ради шутки.

*Старик, герой поэмы, конечно, родом из глубины страны. За грех, в котором повинен каждый охотник, он мучится раскаянием всю свою жизнь. В морях, где байроновские герои развлекаются битвами и любовью прекрасных дикарок, он видит только дүхов, то грозящих, то прощающих. Но как мудро всё это в кажущейся простоте, какая глубина мысли в этом взгляде на человека, как на заблудившегося ребёнка. Ведь каждый из нас хоть раз в жизни был одинок, подобно старому моряку...».*³²

Поскольку баллада Кольриджа велика по объёму, приведём два отрывка из неё. И первый – в переводе Николая Степановича Гумилёва, который считал «Старого Моряка» «лучшим поэтическим созданием Озёрной

³¹ Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 9.

³² Там же, с. 9-10.

школы»³³. Николай Степанович Гумилёв (1886-1921) – русский поэт, переводчик, литературный критик, путешественник (один из крупнейших исследователей Африки), боевой офицер (дважды Георгиевский кавалер). Вместе со своей женой Анной Ахматовой в 1911 году был в числе основателей нового художественного течения – акмеизма. После революции руководил Петроградским отделением Союза поэтов, 3 августа 1921 года, по подозрению в участии в заговоре, был арестован и расстрелян.

Самюэл Тейлор Кольридж
Поэма о старом моряке в семи частях
(отрывок)

*«Пусти, моряк! Страшна твоя
Иссохшая рука.
Твой мрачен взор, твой лик темней
Прибрежного песка.*

*Боюсь твоих костлявых рук,
Твоих горящих глаз!»
«Не бойся, Брачный Гость»³⁴, – увы!
Я выжил в страшный час.*

*Один, один, всегда один,
Один и день и ночь!
И Бог не внял моим мольбам,
Не захотел помочь!*

Две сотни жизней Смерть взяла,

³³ Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 10.

³⁴ Старый Мореход рассказывает свою историю одному из юношей, приглашённых на свадьбу.

*Оборвала их нить,
А черви, слизи – все живут,
И я обязан жить!*

*Взгляну на море – вижу гниль
И отвращаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг –
Но трупы вокруг лежат.*

*На небеса гляжу, но нет
Молитвы на устах,
Иссохло сердце, как в степях
Сожжѣнный Солнцем прах.*

*Заснуть хочу, но страшный груз
Мне на зеницы лёг:
Вся ширь небес и глубь морей
Их давит тяжестью своей,
И мертвецы – у ног!...»³⁵*

Перевод Николая Гумилёва

Второй отрывок – из перевода Игоря Сунеровича Меламеда (1961-2014), сделанного уже в нашем веке, в 2011 году.

***Самюэл Тейлор Кольридж
Поэма о старом моряке в семи частях
(отрывок)***

*«Меня винят и стар и млад,
Их каждый взгляд и жест.*

³⁵ Кольридж С.Т. Поэма о Старом Моряке / С.Т. Кольридж; пер. Н. Гумилёва // Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 176-177.

*И мне на шею Альбатрос
Повешен был, как крест.*

*Я что-то в небе увидал,
Какое-то пятно.
И походило на туман,
И двигалось оно.
И мне казалось, что вдали.
Белеет полотно.*

< ... >

*Но я всмотрелся, страха полн,
В корабль чудесный тот:
Он шёл без ветра и без волн
И не касался вод.*

*Кончался день, и запад весь
Охвачен был огнём,
Ложилось солнце в океан
И отражалось в нём,
И призрак тот меж солнцем плыл
И нашим кораблём.*

*Решёткой забран солнца лик,
Как будто бы оно
(Помилуй, Дева, нас!) глядит
В тюремное окно.*

*Он близко! (ужасался я
И продолжал следить) —
Не паруса ль блещут в лучах,
Как паутины нить?*

*Не рёбра ли его сейчас
Нам застыт солнца свет?
И кто там скалится на нас? —*

Старуха и скелет!

*Скелет сей был черней могил
И ада самого.
И лишь местами, словно ржой,
Покрылась бурою корой
Сырая кость его.*

*У той, что с ним, бесстыдный взгляд,
Кроваво-красный рот,
А кожа савана белей —
То Смерть, и воздух рядом с ней
Холодный, точно лёд.*

*Они играют в кости там,
Злорадства не тая.
И Смерть свистит, и Смерть кричит:
«Я выиграла! Я!»*

*Тут вихрь на миг качнул их бриг,
В скелет ударил он,
Да так, что в дырах глаз и рта
Раздался свист и стон.*

*И тотчас призрачный корабль
Уплыл бесшумно прочь.
И меж рогов луны зажглась
Одна звезда, как яркий глаз,
И наступила ночь.*

*У всех на лицах страх и боль
Читал я при луне.
И каждый взор следил за мной,
И слал проклятье мне.*

*Их было двести человек,
И каждый мёртвым пал –
Без всяких мук, как будто вдруг
Сражённый наповал.*

*И души их неслись во мрак
Иль в райские края,
И рассекали воздух так,
Как та стрела моя».*³⁶

Перевод Игоря Меламеда

Из произведений Уильяма Вордсворта, вошедших в «Лирические баллады», мы остановимся на двух переводах – девятнадцатого и двадцатого столетий.

Переводы с европейских языков поэта Ивана Ивановича Козлова (1779-1840) были высоко оценены современниками. Достаточно сказать, что его перевод с английского стихотворения ирландского поэта-романтика Томаса Мура «Вечерний звон» стал русской народной песней. Иван Иванович Козлов, родственник рыбинских дворян Хомутовых, московский чиновник, который во время войны 1812 года занимался в Рыбинске организацией госпиталей, писал в молодости только лёгкие французские стихи. Он пришёл в русскую поэзию, преодолевая настоящую жизненную трагедию: в 1821 году поэт полностью потерял зрение, и у него отнялись ноги. Единственной отрадой для Козлова явился неожиданно расцветший поэтический дар, проявившийся как в собственной лирике, так и в переводах. В 1824 году Козлов перевёл на английский язык «Бахчисарайский фонтан» Пушкина. Александр Сергеевич писал в стихотворении

³⁶ Кольридж С.Т. Поэма о Старом Моряке / С.Т. Кольридж; пер. И. Меламеда // Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 30-33.

«Козлову» в 1825 году, после получения от автора поэмы «Чернец»:

*Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На всё минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.*

*О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им:
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки.
Тебе он создал новый мир:
Ты в нём и видишь, и летаешь,
И вновь живёшь, и обнимаешь
Разбитой юности кумир.*

*А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды:
Недаром тёмною стезёй
Я проходил пустыню мира.
О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой.³⁷*

Александр Пушкин

Из книги «Лирические баллады и другие стихотворения» Иван Иванович Козлов перевёл балладу Вордсворта «Нас семеро».

³⁷ Пушкин А.С. Козлову /А.С. Пушкин // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. Т.II: Стихотворения / А.С. Пушкин. – Москва: Худож. лит., 1983. – С. 41.

Нас семеро

*Радушное дитя,
Легко привыкшее дышать,
Здоровьем, жизнью цветя,
Как может смерть понять?*

*Навстречу девочка мне шла.
Лет восемь было ей.
Её головку облегла
Струя густых кудрей.*

*И дик был вид её степной,
И дик простой наряд,
И радовал меня красой
Малютки милой взгляд.*

*«Всех сколько вас? – ей молвил я, –
И братьев и сестёр?»
– «Всего нас семь», – и на меня,
Дивясь, бросает взор.*

*«А где ж они?» – «Нас семь всего, –
В ответ малютка мне. –
Нас двое жить пошли в село,
И два на корабле,*

*И на кладбище брат с сестрой
Лежат из семерых,
А за кладбищем я с родной. –
Живём мы подле них».*

*– «Как? двое жить в село пошли,
Пустились двое плыть, –*

*А вас всё семь! Дружок, скажи,
Как это может быть?»*

*– «Нас семь, нас семь, – она тотчас
Опять сказала мне, –
Здесь на кладбище двое нас,
Под ивою в земле».*

*– «Ты бегаешь вокруг неё,
Ты, видно, что жива;
Но вас лишь пять, дитя моё,
Когда под ивой два».*

*– «На их гробах земля в цветах,
И десяти шагов
Нет от дверей родной моей
До милых нам гробов;*

*Я часто здесь чулки вяжу,
Платок мой здесь рублю,
И подле их могил сижусь
И песни им пою;*

*И если позднью порой
Светло горит заря,
То, взяв мой сыр и хлеб с собой,
Здесь ужинаю я.*

*Малютка Дженни день и ночь
Томила больна,
Но Бог ей не забыл помочь, –
И спряталась она;*

*Когда ж её мы погребли
И расцвела земля,*

*К ней на могилу мы пришли
Резвиться – Джон и я;*

*Но только дождалась зимой
Коньков я и саней,
Ушёл и Джон, братишка мой,
И лёг он рядом с ней».*

*– «Так сколько ж вас? – был мой ответ.
– На небе двое, верь! –
Вас только пять». – «О, барин, нет,
Сочти – нас семь теперь».*

*– «Да нет уж двух, – они в земле,
А души в небесах!»*

*Но был ли прок в моих словах?
Всё девочка твердила мне:*

«О нет, нас семь, нас семь!»³⁸

Перевод Ивана Козлова

Переводы стихов Уильяма Вордсворта, сделанные ещё в начале 1920-х годов для издательства «Всемирная литература» Михаилом Николаевичем Фроловским (1895-1943) были опубликованы только в 2000 году в книге «Антология английской поэзии. Под редакцией Н.С. Гумилёва». Расстрелянный в 1921 году поэт Николай Степанович Гумилёв заведовал поэтическим отделом в названном издательстве. Не миновала трагическая судьба и Фроловского, умершего в заключении. Михаил Николаевич происходил из обедневшего дворянского рода. В 1916 году окончил Александровский лицей, в котором когда-то

³⁸ Вордсворт У. Нас семеро / Уильям Вордсворт; пер. И. Козлова // Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 200-202.

учился Пушкин. Служил в Российском обществе Красного Креста, потом в Красной армии, а затем стал иноком Александро-Невской лавры. В 1925 году был арестован по «лицейскому делу», то есть за организацию очередной панихиды по умершим лицеистам, попал в Соловецкий концентрационный лагерь. Потом отправлен на поселение в Кемь и на Урал. Какое-то время жил с семьёй в Брянске, успев закончить заочно Московский инженерный институт, а в 1941 году арестован в последний раз, уже безвозвратно. Вот одно из стихотворений, написанных Фроловским на Соловках:

*Я хочу к тебе вернуться прежним,
Прежним быть, как много лет назад.
Не гляди, что время неизбежно
Заостряет мой спокойный взгляд.*

*Стал смелее, тише и суровей,
Стал суровей, может быть, добрей.
Слишком много потеряло крови
Моё сердце в этой смуте дней.*

*Но зато по-новому быть нежным,
Нежным быть могу – но не с тобой,
Я с тобой хочу остаться прежним
Мальчиком с большою головой.³⁹*

Михаил Фроловский

С «прежним» Михаилом Николаевичем Фроловским мы встречаемся в его переводе баллады и прозаического предисловия к ней её автора Вордсворта «Жалоба

³⁹ Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 261.

покинутой индианки» из книги «Лирические баллады и другие стихотворения».

Уильям Вордсворт
Жалоба покинутой индианки

На севере, если индеец, истощённый дорогой, не в силах следовать за своим племенем, товарищи накрывают его оленьими шкурами и, снабдив водой, пищей и, если возможно, топливом, оставляют одного. Ему говорят, каким путём они намерены следовать, и, если он слишком слаб, чтобы их догнать, – он осуждён на одинокую смерть в пустыне, разве что, по счастью, на него набредёт какое-нибудь другое племя. Женщины наравне с мужчинами, если не чаще, подвергаются этой участи... В северных широтах... когда северное сияние меняет своё положение в небе – оно издаёт сухой треск, о котором и упоминается в этой поэме.

*Ужель мне видеть утро снова?
Я умереть давно готова,
Нет, я не сплю и не во сне
Я вижу вспышки в вышине,
Сиянью северному внемлю,
Я слышу треск его огней, –
Пришла пора покинуть землю,
Пришла пора расстаться с ней.
Ужель мне видеть утро снова?
Я умереть давно готова.*

*Костёр погас. И я погасну.
К чему же плакать понапрасну?
Зола покрылась коркой льда,
Потух огонь мой навсегда.
Я вспоминаю, как бывало,*

*О крове, пище и огне
И я просила, я мечтала, -
Теперь к чему всё это мне?
С огнём погаснут все желанья,
Я встречу смерть без содроганья.*

*Быть может, день-другой за вами,
Друзья, неверными шагами
Смогла б ещё тащиться я...
К чему вы слушали меня!
Я так жалею, что молила
Меня оставить умирать,
Ко мне опять вернулись силы,
Могла б я в путь идти опять.
Но вы дорогою далёкой
Уже ушли от одинокой.*

*Моё дитя! Тебя, качая
Несёт отныне мать чужая,
Ты от родных оторван рук.
В твоих глазах сквозил испуг,
Быть может, гнев мужчины ранний,
Ты не хотел покинуть мать,
Рванулся ты запрячь ей сани,
Чтоб вместе путь с ней продолжать.
Но так беспомощно ручонки
Ты протянул на плач мой громкий.*

*Ты моя радость, мой малютка,
Здесь умирать одной так жутко,
Зато ты жив и не жалеи
О бедной матери твоей.
Слова когда бы улетали
С порывом ветра вам вослед –
Я умерла бы без печали,*

*Ждала б услышать ваш ответ.
Хочу сказать ещё так много,
Но вы ушли своей дорогой.*

*Тяжёл ваш путь сквозь мрак морозный,
И вас нагнать ещё не поздно
И на шатры взглянуть хоть раз,
Увидеть их в предсмертный час.
Погас костёр во мгле холодной,
Вода замёрзла, нет огня.
Сегодня ночью волк голодный
Унёс всю пищу от меня.
Одна, одна в пустыне снежной,
Одна со смертью неизбежной.*

*Кровь застывает в моих жилах,
Я шевельнуть рукой не в силах,
Жизнь прожита, и для меня
Навеки скрылся отблеск дня.
Дитя моё, когда б могла я
Прижать тебя к груди своей,
Я б умерла, благословляя
Конец своих недолгих дней.
Но ты не слышишь, ты далёко,
Я умираю одиноко.⁴⁰*

Перевод Михаила Фроловского

Молодость проходит, но остаётся жить в сердце, и не случайно светлые воспоминания о времени написания «Лирических баллад» вылились у Вордсворта позже в прекрасное стихотворение «Нарциссы». Его перевод сделан

⁴⁰ Вордсворт У. Жалоба покинутой индианки / Уильям Вордсворт; пер. М. Фроловского // Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва, 2011. – С. 232-234.

талантливым ярославским поэтом, критиком, орнитологом Константином Владимировичем Васильевым (1955-2001). Константин всю жизнь прожил в родном посёлке Борисоглебский, но имя Васильева и после его ранней смерти собирает поэтов, учёных и любителей поэзии со всей России и даже из-за рубежа на ежегодные Васильевские чтения, которые в последние годы обрели статус международных.

Уильям Вордсворт

Нарциссы

*Мрачнее туч, я ждал беду,
я не сочувствовал весне,
и вдруг – у мира на виду
нарциссы просияли мне.
Над беглой влагою, в тени,
как золотой узор они.*

*Как звёзды вечные во мгле,
они заметны издали –
то прижимаются к земле,
то не касаются земли.
О, как я от цветов далёк,
как близок мне любой цветок!*

*Они горят весельем все,
чтоб стало весело и мне.
Они летят во всей красе
на зависть медленной волне.
Бесценен сей мгновенный свет,
ему конца и края нет.*

*И вот, бессонницей томясь,
я вспоминаю те цветы –*

*и ощущаю с миром связь,
и вновь несут меня мечты
на ту поляну у ручья,
где расцвела душа моя.⁴¹*

Перевод Константина Васильева

Английские поэты, о которых шла речь, получили признание ещё при жизни, но были два величайших лирика, которых слава настигла уже спустя десятилетия после их смерти, – Шелли и Китс. Стихи этих поэтов были почти неизвестны в России до конца XIX века, но уже второе столетие они остаются в числе самых читаемых, благодаря увлечённому, искреннему прочтению их русскими переводчиками.

Перси Биши Шелли (1792-1822) был по рождению аристократом, наследником титула баронета. Как подобает юноше его происхождения, окончив колледж в Итоне, он поступил в Оксфордский университет. А вот дальше его жизнь пошла вразрез с традициями высшего света. Из университета он был исключён за откровенную проповедь атеизма; неоднократно бывая в Ирландии, активно поддерживал национально-освободительную борьбу ирландского народа. Женитьба его была скандальной, так как он тайно увёз шестнадцатилетнюю девушку, которая была совершенно неподобающего для баронета происхождения (дочка трактирщика), а после её смерти его лишили родительских прав на обоих детей из-за того, что он не верил в Бога. Не сломиться ему помогла поэзия и новая, большая любовь его жизни Мэри Годвин. Впоследствии Мэри Шелли стала известной писательницей, автором романа «Франкенштейн».

⁴¹ Васильев К. Нарциссы (Из Вильяма Вордсворта) / К. Васильев // Васильев К. Избранное: стихотворения, эссе / Константин Васильев; сост. Е. Ермолин. – Ярославль, 2003. – С. 96.

Некоторые стихотворения Перси Биши Шелли нам известны в переводе величайшего поэта XX века, лауреата Нобелевской премии по литературе Бориса Леонидовича Пастернака (1890-1960). Пастернак обладал редким даром в своих переводах добиться такого же художественного впечатления, какое производил на современников оригинал, благодаря чему русские читатели полюбили, например, сонеты Вильяма Шекспира, несмотря на то, что они были написаны ещё в эпоху Возрождения.

Перси Биши Шелли
Ода Западному Ветру
(отрывки)

I

*О буйный ветер запада осенний!
Перед тобой толпой бегут листья,
Как перед чародеем привиденья,*

*То бурей желтизны и красноты,
То пёстрым вихрем всех оттенков гнили;
Ты голых пашен чёрные пласты*

*Засыпал семенами в изобилье.
Весной трубы пронзительный раскат
Разбудит их, как мертвецов в могиле,*

*И тёплый ветер, твой весенний брат,
Взовьёт их к жизни дудочкой пастушьей,
И новою листвою оденет сад.*

*О дух морей, носящийся над сушей!
Творец и разрушитель, слушай, слушай!*

<...>

V

*Дай стать мне лирой, как осенний лес,
И в честь твою ронять свой лист спросонья.
Устрой, чтоб постепенно я исчез*

*Обрывками разрозненных гармоний.
Суровый дух, позволь мне стать тобой!
Стань мною иль ещё неугомонней!*

*Развей кругом притворный мой покой
И временную мыслей мертвечину.
Вздуй, как заклатьем, этою строкой*

*Золу из непогасшего камина.
Дай до людей мне слово донести,
Как ты заносишь семена в долину.*

*И сам раскатом трубным возвести:
Пришла Зима, зато Весна в пути!⁴²
Перевод Бориса Пастернака*

Не прошёл Пастернак как переводчик и мимо
любвонной лирики Шелли.

Перси Биши Шелли
Индийская серенада

I
*В сновиденьях о тебе
Прерываю сладость сна,
Мерно дышащая ночь
Звёздами озарена.
В грёзах о тебе встаю*

⁴² Шелли П.Б. Ода Западному Ветру / П.Б. Шелли; пер. Б. Пастернака // Шелли П.Б. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. – Москва, 1981. – С. 37-40.

*И, всецело в их плену,
Как во сне, переносюсь
Чудом к твоему окну.*

II

*Отзвук голосов плывёт
По забывшейся реке.
Запах трав, как мысли вслух,
Носится невдалеке.
Безутешный соловей
Заливается в бреду.
Смертной мукою и я
Постепенно изойду.*

III

*Подыми меня с травы.
Я в огне, я тень, я труп.
К ледяным губам прижми
Животворный трепет губ.
Я, как труп, похолодел.
Телом всем прижмись ко мне,
Положи скорей предел
Сердца частой стукотне.⁴³*

Перевод Бориса Пастернака

Довольно много произведений Шелли перевёл Константин Бальмонт, в том числе и из ранней лирики. **Константин Дмитриевич Бальмонт** (1867-1942), которого называли «Паганини русского стиха», подчёркивая как виртуозность, так и музыкальность лиры этого поэта-символиста серебряного века, свой творческий путь начал в

⁴³ Шелли П.Б. Индийская серенада / П.Б. Шелли; пер. Б. Пастернака // Шелли П.Б. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. – Москва, 1981. – С. 53-54.

Ярославле. Здесь он поступил в Демидовский юридический лицей, но не окончил его, так как не до юриспруденции было Константину, который жил жизнью сердца. Здесь, в Ярославле, через несколько лет после этого оказалась будущая бальмонтовская муза – поэтесса Мирра Лóхвицкая, и здесь же вышла первая книга Константина «Сборник стихотворений» (Ярославль, 1890). Прочитаем два стихотворения Шелли в переводах Бальмонта на близкие обоим поэтам темы.

Перси Биши Шелли

Поэзия и музыка

*Как сладостно читать бессмертные созданья
Могучих гениев – и слушать в тот же час.
Как музыка звучит: чуть упадёт вниманье,
В тот смутный перерыв, что застигает нас,
Врывается волной блаженное рыданье.*

Перевод Константина Бальмонта

Перси Биши Шелли

Изменчивость

*Мы точно облака вокруг луны полночной.
О, как они спешат, горят, дрожат всегда.
Пронзают темноту! – но гаснет свет непрочный,
Их поглотила ночь, и нет от них следа.*

*Как позабытые мы арфы: лад их струнный
Расстроен и даёт изменчивый ответ.
На ровный вздох ветров, при той же ласке лунной,
Вторичных трепетов, таких как первых, нет.*

*Мы спим. – У сна есть власть нам отравить дремоту.
Встаём. – Одна мечта гнетёт нас целый день;
Лелеем ли мы смех, лелеем ли заботу,*

Храним ли свет в душе или печаль и тень:

*Нет выхода для нас, – Всё к гибели стремится,
Как полон день минут, так жизнь измен полна:
С грядущим прошлое не может здесь сравниться,
Лишь неизменна здесь Изменчивость одна.⁴⁴*

Перевод Константина Бальмонта

Интересны переводы Шелли на русский язык, сделанные современными авторами. Приведём два из них.

Перси Биши Шелли
Вино фей

*У лунных фей на неприступных склонах
Укрылось в гиацинтовых бутонах
Шиповника медовое вино;
И в сердце мне ударило оно;
Спокойно спят в пустом старинном замке
Нетопыри, и векиши, и кроты,
Укрывшись то в расщелине, то в ямке;
И от расплёсканных повсюду брызг,
Пьяняще пахнувших из темноты,
Им весело становится во сне,
И слышно бормотанье их и визг;
Они не знали о таком вине.⁴⁵*

Перевод Кирилла Чемена

⁴⁴ Шелли П.Б. Любовь бессмертная: [стихотворения, поэмы] / Перси Биши Шелли; пер. с англ. К. Бальмонта. – Москва, 2013. – С. 5.

⁴⁵ Шелли П.Б. К Джейн / П.Б. Шелли // Шелли П.Б. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. – Москва, 1981. – С. 55.

К Джейн

I

*Ярко блещут Стожары
Несказанная в небе сияет
Луна.
Звонко пенье гитары,
Но лишь с голосом Джейн оживает
Струна.
Неба мрак серебристый
Лунно-звёздные нежно согрели
Лучи;
Дарит голос твой чистый
Душу струнам, чьи мертвенны трели
В ночи.*

II

*Звёздный свет, замирая,
Хочет видеть луны золотую
Красу;
Лист не дрогнет, вбирая
Гармонических струн неземную
Росу.
Звук летит окрылённый,
Раскрывая в ночное молчанье
Окно,
В этот мир отдалённый,
Где любовь, лунный свет и звучанье —
Одно.⁴⁶*

Перевод Александры Спаль

⁴⁶ Шелли П.Б. К Джейн / П.Б. Шелли // Шелли П.Б. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. — Москва, 1981. — С. 96.

Перси Биши Шелли окончил жизнь как и подобает поэту-романтику: он ушёл в море на парусной шхуне «Ариэль», приобретённой совместно с Байроном, и не вернулся. На шхуне, маневрировавшей в Средиземном море, кроме Шелли, находились его приятель Уильямс и мальчик-рулевой. Шхуна вступила в полосу тумана, затем налетел шквал – и через двое суток море выбросило два трупа: Шелли и Уильямса. При всей своей любви к морю, поэт не умел плавать. Перси Биши Шелли в день смерти ещё не исполнилось тридцати лет.

В кармане Перси был обнаружен открытый и согнутый пополам томик стихов Китса. Этот томик сожгли вместе с телом Шелли в присутствии Байрона, а прах поэта покоится на кладбище в Риме, недалеко от могилы гениального двадцатипятилетнего Китса, осмеянного современниками и убитого наследственным туберкулёзом всего за год до гибели Шелли.

Раннее детство **Джона Китса** (1795-1821) прошло на лондонской окраине, где его дед содержал конюшенный двор для проезжих джентльменов, называвшийся «Лебедь и обруч». Джон был старшим из четверых детей, родители рано умерли, и всех троих мальчиков определили в частную школу, где будущий поэт – вспыльчивый, но добрый и справедливый, заводила в ребячьих играх – к концу обучения увлёкся литературой, буквально гулял, ел и спал с книгой.

Окончив школу в 1810 году, Джон избирает профессию врача, ученичество и стажировка заняли шесть лет, а затем Китс становится ассистентом хирурга, окунувшись в подлинные человеческие страдания – ведь никаких обезболивающих средств тогда не существовало. Отказаться от этой работы, уйти с головой в поэзию, как того требовали душа и талант, Китс, не имевший других возможностей для выживания, просто не мог.

И всё же он успел стать лириком, воплотившим «в своих стихах всё богатство чувственного мира с его красками, звуками, запахами, вкусом, осязанием»⁴⁷. Как в этом сонете, переведённом Маршаком.

Джон Китс

*Тому, кто в городе был заточён,
Такая радость – видеть над собою
Открытый лик небес, дышать мольбою
В распахнутый, как двери, небосклон.
И счастлив тот, кто, за день утомлён,
Найдёт в траве прибежище от зноя
И перечтёт прекрасное, простое
Преданье о любви былых времён.
И, возвращаясь с книжкой в руке,
Услышав соловья в уснувшей чаще,
Следя за тучкой, по небу летящей,
Он будет день оплакивать в тоске,
Что канул навсегда слезой блестящей,
У ангела скользнувшей по щеке.⁴⁸*

Перевод С.Я. Маршака

«Китс обладал в то же время необычайно трезвым и самокритичным умом. Он, давший в «Оде Греческой Вазе» знаменитую формулу: «Красота есть истина, а истина есть красота», рассматривал момент переживания прекрасного как средство познания мира, как пробный камень, помогающий отличить истинное от ложного: «Аксиомы

⁴⁷ Кружков Г. «Поэзия – это прекрасное лицо мира» / Г. Кружков // Шелли П.Б. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. – Москва, 1981. – С. 9.

⁴⁸ Китс Д. «Тому, кто в городе был заточён...» / Д. Китс; пер. С. Маршака // Шелли П.Б. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. – Москва, 1981. – С. 9-10.

философии – не аксиомы, пока они не проверены биением собственного пульса»⁴⁹, – это слова Китса.

Джон Китс

Из поэмы «Эндимион»

*Прекрасное пленяет навсегда.
К нему не остываешь. Никогда
Не впасть ему в ничтожество. Всё снова
Нас будет влечь к испытанному крову
С готовым ложем и здоровым сном.
И мы затем цветы в гирлянды вьём,
Чтоб привязаться больше к чернозёму
Наперекор томленью и надлому
Высоких душ; унынию вопреки
И дикости, загнавшей в тупики
Исканья наши. Да, назло пороку
Луч красоты в одно мгновенье ока
Сгоняет с сердца тучи. Таковы
Луна и солнце, шелесты листвы,
Гурты овечьи, таковы нарциссы
В густой траве, так под прикрытьем мыса
Ручьи защиты ищут от жары.
И точно так рассыпаны дары
Лесной гвоздики на лесной поляне.
И таковы великие преданья
О славных мёртвых первых дней земли,
Что мы детьми слыхали иль прочли.⁵⁰*

Перевод Бориса Пастернака

⁴⁹ Кружков Г. «Поэзия – это прекрасное лицо мира» / Г. Кружков // Шелли П.Б. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. – Москва, 1981. – С. 9-10.

⁵⁰ Китс Д. «Прекрасное пленяет навсегда...» / Д. Китс; пер. Б. Пастернака // Поэзия англ. романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва, 1975. – С. 557.

«Наружность Китса поражала всех, кто его видел. Невысокого роста, он не казался маленьким не только благодаря прекрасному сложению и осанке, но прежде всего из-за выражения лица, которое художник Северн называл «неустрасимым». Его живые глаза будто излучали свет, а шелковистые рыжеватые кудри напоминали «пышное оперение птицы»...

Полвека спустя Бернард Шоу, отмечая жизнерадостность Китса, писал, что он «остаётся для нас не только поэтом, но человеком весёлой души, который не только нёс бремя своего великого дарования, но размахивал им, подбрасывал и ловил на лету».⁵¹

Джон Китс

Из «Оды к Фанни»

1

*Природа-врач! Пусти мне кровь души!
Лишь брось на свой треножник, и послушно
Пусть хлынут из груди стихи. Мне душно...
От стихотворства сердце разреши!
Дай только тему, тему! Дай мне рózдых.
Мечта моя, ты видишься сквозь мрак.
Но где призывный знак,
Чтоб выбежал я на морозный воздух?*

2

*Любовь моя! Ты – нежная обитель
Надежд, печалей, страхов и отрад.
Сейчас, во мгле ночной, как небожитель,
Ты светишь – отгадал я без ошибки! –
Вошебной красотой своей улыбки,*

⁵¹ Кружков Г. «Поэзия – это прекрасное лицо мира» / Г. Кружков // Шелли П.Б., Китс Д. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. – Москва, 1981. – С. 10.

*Чей блеск мой бедный, жадный, рабский взгляд
Впивает в изумленье
И в сладостном томленье.*

3

*Мой пир! Тебя глазами ест обжора.
Луны моей серебряной смущенье
Кто смеет вызывать бесстыдством взора?
Пусть говорит в нём страсть,
Руки своей не позволяй украсть!
И пульса учащённого биенье
Оставь мне, сжался! Даже невзначай
Ты сердца от меня не отвращай.⁵²*

Перевод Веры Потаповой

Ода посвящена Фанни Брон, первой девушке, которую поэт глубоко и мучительно полюбил. Они были помолвлены, но обвенчаться не успели: через месяц после помолвки, состоявшейся в декабре 1819 года, болезнь нанесла поэту сокрушительный удар и отмерила ему жизни считанные месяцы. Китс предложил девушке расторгнуть помолвку, но Фанни не дала согласия. Каково это – быть обречённым смерти, когда любишь всей душой, когда чувствуешь в себе огромные творческие силы, а уходишь непризнанным, – наверное, знал только сам поэт. Недаром, в эти последние месяцы он ничего не писал. Но предчувствия такого конца не могли ранее не попасть в стихи, хотя бы маскируясь под старинную легенду.

⁵² Китс Д. Ода к Фанни / Д. Китс; пер. В. Потаповой // Поэзия англ. романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва, 1975. – С. 578-579.

Джон Китс

*La Belle Dame Sans Merci*⁵³

*«Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
Печален, бледен, одинок?
Поник тростник, не слышно птиц,
И поздний лист поблёк.*

*Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
Какая боль в душе твоей?
Полны у белок закрома,
Весь хлеб свезён с полей.*

*Смотри: как лилия в росе,
Твой влажен лоб, ты занемог.
В твоих глазах застывший страх,
Увяли розы щёк».*

*Я встретил деву на лугу,
Она мне шла навстречу с гор.
Летящий шаг, цветы в кудрях,
Блестящий дикий взор.*

*Я сплёл из трав душистых ей
Венок, и пояс, и браслет
И вдруг увидел нежный взгляд,
Услышал вздох в ответ.*

*Я взял её в седло своё,
Весь долгий день был только с ней.
Она глядела молча вдаль
Иль пела песню фей.*

⁵³ Безжалостная красавица (франц.). Название баллады взято из поэмы старофранцузского поэта Алена Шартье (1385-1429).

*Нашла мне сладкий корешок,
Дала мне манну, дикий мёд.
И странно прошептала вдруг:
«Любовь не ждёт!»*

*Ввела меня в волшебный грот
И стала плакать и стенать.
И было дикие глаза
Так странно целовать.*

*И убаюкала меня,
И на холодной крутизне
Я всё забыл в глубоком сне,
В последнем сне.*

*Мне снились рыцари любви,
Их боль, их бледность, вопль и хрип:
La belle dame sans merci
Ты видел, ты погиб!*

*Из жадных, из разверстых губ
Живая боль кричала мне.
И я проснулся – я лежал
На льдистой крутизне.*

*И с той поры мне места нет,
Брожу печален, одинок,
Хотя не слышно большие птиц
И поздний лист поблёк.⁵⁴*

Перевод Вильгельма Левика

Говоря о трагических судьбах молодых поэтов,

⁵⁴ Китс Д. La Belle Dame Sans Merci / Д. Китс; пер. В. Левика // Поэзия англ. романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва, 1975. – С. 583-585.

невольно обращаешься к размышлениям о том, что такое слава, в том числе посмертная, и какова её цена. Джон Китс так сказал об этом в одном из стихотворений своего поэтического цикла о славе, созданного в период творческого взлёта в 1819 году.

Джон Китс

Слава. I

*Дикарка-слава избегает тех,
Кто следует за ней толпой послушной.
Имеет мальчик у неё успех
Или повеса, к славе равнодушный.
Гордячка к тем влюблённым холодней,
Кто без неё счастливым быть не хочет.
Ей кажется: кто говорит о ней
Иль ждёт её, – тот честь её порочит!
Она – цыганка. Нильская волна
Её лица видала отражение.
Поэт влюблённый! Заплати сполна
Презреньем за её пренебрежение.*

*Ты с ней простись учтиво – и работой
Она пойдёт, быть может, за тобой!*⁵⁵

Перевод С.Я. Маршака

Очень больно и несправедливо, когда, насладившись гениальными творениями поэта, созданными кровью его сердца, потомки считают себя вправе грязными сапогами пройти по его личной жизни, сделать достоянием всех свои измышления о том, что он считал своей тайной. Горечь по поводу оборотной стороны славы нашла своё

⁵⁵ Китс Д. Слава. I («Дикарка-слава избегает тех...») / Джон Китс; пер. С. Маршака // Китс Д. Стихотворения и поэмы: пер. с англ. / Джон Китс; сост., вступ. статья, коммент. И. Шайтанова. – Москва, 1989. – С. 24.

отражение в стихотворении Оскара Уайльда, переведённом Константином Васильевым.

*Из Уайльда
По поводу продажи с аукциона
любовных писем Китса*

*Эндимиона⁵⁶ тайные посланья,
Всё, что шептал он женищине одной,
Аукцион извлёк на свет дневной
И бросил торгашам на растерзанье –
Что им певца сердечные страданья!
Нажива ходит следом за мечтой,
И молоток по крышке гробовой
Стучит, и – это есть напominанье*

*О том, как ночью, второпях, делили
Солдаты сорванный с Него хитон –
При свете факелов во тьму времён
Бросали кости, ссорились, шутили,*

*Не ведая, зачем являлся Он,
За что страдал, за что Его убили?⁵⁷*

Перевод Константина Васильева

Сами поэты желают и заслуживают совсем другой славы, и об этом просто и с достоинством удалось сказать Джону Китсу в **«Строках, написанных в Северной Шотландии, после посещения деревни Бёрнса»**:

⁵⁶ Эндимионом в стихотворении назван Джон Китс, написавший в 1817 году поэму с таким названием. Античный миф о любви юноши Эндимиона и богини луны Цинтии послужил основой для аллегорического произведения, герой которого проходит долгий путь поисков любви и красоты, но только тогда обретает свой небесный идеал, когда ему случается пожалеть и полюбить несчастную покинутую девушку, которая оказывается земным воплощением той Цинтии, которую он искал.

⁵⁷ Васильев К. Из Уайльда / Константин Васильев // Васильев К. Избранное: стихотворения, эссе / Константин Васильев; сост. Е. Ермолин. – Ярославль, 2003. – С. 241.

*Все знаменитые места бессчётно тешат нас,
О них сказанья повторять мы можем сотни раз,
Но сладостней отрады нет, неведомой дотоль,
Чем иссушающая рот, божественная боль,
Когда по торфу и песку волочится ходок
И по кремням прибрежных скал бредёт, не чуя ног,
Бредёт к лачуге иль дворцу, дабы воздать поклон
Тому, кто вживе был велик и славой умерщвлён.*

<..>

*Он мудрость в силах сохранить, бредя
в стране хребтов,
И зыбку гения сыскать, средь голых, чёрных гор,
И не сомкнуть глаза души, не замутишь свой взор.⁵⁸
Перевод Аркадия Штейнберга*

Главное для поэта – когда его творчество зажигает ответный огонь в сердцах и не даёт угаснуть поэзии в последующих поколениях. Причём не только в своей стране. Мы благодарны и самим поэтам, и тем прекрасным переводчикам, которые сделали для нас торной дорогу к лирике иной земли и помогли почувствовать сердечную связь с ней. Они тоже достойны славы.

Джон Китс
Стихи, написанные в Шотландии, в домике
Роберта Бёрнса

*Прожившему так мало бренных лет,
Мне довелось на час занять собою
Часть комнаты, где славы ждал поэт,
Не знавший, чем расплатится с судьбою.*

⁵⁸ Китс Д. Строки, написанные в Северной Шотландии, после посещения деревни Бёрнса / Д. Китс; пер. Арк. Штейнберга // Поэзия англ. романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва, 1975. – С. 577.

*Ячменный сок волнует кровь мою.
Кружится голова моя от хмеля.
Я счастлив, что с великой тенью пью,
Ошеломлён, своей достигнув цели.*

*И всё же, как подарок, мне дано
Твой дом измерить мерными шагами
И вдруг увидеть, приоткрыв окно,
Твой милый мир с холмами и лугами.*

*Ах, улыбнись! Ведь это же и есть
Земная слава и земная честь!⁵⁹*

Перевод С.Я. Маршака

⁵⁹ Китс Д. Стихи, написанные в Шотландии, в домике Роберта Бёрнса / Д. Китс; пер. С. Маршака // Поэзия англ. романтизма: сборник: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва, 1975. – С. 577.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английская поэзия XIV-XIX века: [сборник]: на англ. яз. с парал. русским текстом / под ред. Т.А. Боборыкиной. – Санкт-Петербург: АНИМА, 2001. – 320 с.: ил.
2. Бернс Р. Стихотворения; Поэмы. Шотландские баллады: [сборник]: пер. с англ. / Роберт Бернс; [вступ. ст. и сост. Р. Райт-Ковалевой]. – Москва: Художественная литература, 1976. – 447 с.: 10 л. ил. – (Б-ка всемирной литературы).
3. Васильев К. Избранное: стихотворения, эссе / Константин Васильев; сост. Е. Ермолин. – Ярославль: Ньюанс, 2003. – 320 с.
4. Вордсворт У. Лирические баллады и другие стихотворения: на англ. яз. с парал. русским текстом / У. Вордсворт, С.Т. Кольридж; вступ. ст. и коммент. Л.И. Володарской. – Москва: РГГУ, 2011. – 264 с.
5. Зарубежная литература: пособие по факультативному курсу для учащихся VIII – X классов / подгот. С.В. Тураев, И.Б. Дюшен, Л.В. Каган [и др.]. – 3-е изд. – Москва: Просвещение, 1977. – 318 с.
6. Китс Д. Стихотворения и поэмы: пер. с англ. / Джон Китс; сост., вступ. ст., коммент. И. Шайтанова. – Москва: Художественная литература, 1989. – 319 с. – (Классики и современники).
7. Левагина С.Н. Мелодия эоловой арфы: Томас Рифмач – шотландский предок М.Ю. Лермонтова / С.Н. Левагина // Лермонтов и Ярославская земля: материалы первых краеведческих чтений / сост. Л.В. Мельникова, И.Х. Шихваргер; ЦГБ им. М.Ю. Лермонтова. – Ярославль, 2000. – С. 3-12.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4-х т. Т.1: Стихотворения / М.Ю. Лермонтов; вступ. ст. и коммент. И.Л. Андроникова. – Москва, 1983. – 446 с.

9. Поэзия английского романтизма: [сборник]: пер. с англ. / вступ. ст. Д. Урнова; прим. Е. Витковского. – Москва: Художественная литература, 1975. – 670 с.: ил. – (Б-ка всемирной литературы).
 10. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т. Т. II. – Москва, 1981. – С. 134, 41.
 11. Райт-Ковалева Р. Роберт Бернс / Р. Райт-Ковалева. – Москва: Молодая гвардия, 1965. – 352 с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: серия биографий: Вып. 26 (276)).
 12. Шелли П.Б. Избранная лирика: пер. с англ. / П.Б. Шелли, Д. Китс; сост. В. Левик, Г. Кружков; предисл. и коммент. Г. Кружкова. – Москва: Детская литература, 1981. – 222 с.: ил. – (Поэтическая б-чка школьника).
- Шелли П.Б. Любовь бессмертная: [стихотворения, поэмы] / Перси Биши Шелли; пер. с англ. К. Бальмонта. – Москва: НексМедиа; Москва: Комсомольская правда, 2013. – 238 с.: ил. – (Великие поэты).

«...На волшебные напевы переложил ты страстной
девы иноплеменные слова»:
поэзия юности
в переводах с английского
материалы к литературному вечеру

в оформлении обложки использована гравюра С. Тонхема
к произведениям В. Скотта

автор-составитель С.Н. Левагина
ответственный за выпуск Н.Н. Щепеткова

Тираж 50 экземпляров

Отпечатано в ГУК ЯО «Областная юношеская
библиотека им. А.А. Суркова»
150048, г. Ярославль, Московский проспект, 147